

На правах рукописи

Закидальский Дмитрий Евгеньевич

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПРОКУРОРУ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
(становление и реализация в современных условиях)**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата юридических наук**

Ульяновск – 2026

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» на кафедре уголовно-правовых дисциплин

**Научный
руководитель:**

Потапов Василий Джонович,
доктор юридических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

Гриненко Александр Викторович
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор
юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства
иностраннных дел Российской Федерации», кафедра
уголовного права, уголовного процесса и
криминалистики, профессор кафедры

Машинникова Наталья Олеговна,
кандидат юридических наук,
Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста
России)», кафедра уголовного права и процесса, доцент
кафедры

**Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Удмуртский государственный университет»**

Защита состоится «09» октября 2026 г. в 10:00 часов на заседании
объединенного диссертационного совета 99.2.090.02, созданного на базе
Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Пермский государственный национальный исследовательский
университет» и Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Ульяновский государственный университет», по
адресу: 432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9, ауд. 301.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке
Ульяновского государственного университета и на официальном сайте вуза
<https://ulsu.ru>, с авторефератом – на сайте Высшей аттестационной комиссии при
Минобрнауки России <https://vak.gisnauka.ru>.

Отзывы на автореферат и диссертацию просим направлять по адресу: 432017, г.
Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
университет», отдел подготовки кадров высшей квалификации.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Максимов Олег Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Научный интерес к институту возвращения уголовного дела прокурору традиционно обусловлен острой дискуссией о соотношении состязательных начал и публично-правовой обязанности государства по установлению обстоятельств уголовного дела. В теории уголовного процесса сформировались полярные подходы: от квалификации данного института как рудимента розыскного процесса до признания его необходимым элементом устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела. В современных условиях данная дискуссия вышла на новый уровень «аксиологического противоречия» между нормативной моделью состязательности и правоприменительной установкой на достижение материальной истины.

За более чем двадцатилетний период действия УПК РФ институт возвращения уголовного дела претерпел циклическую трансформацию: полный запрет на восполнение следствия сменился под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ фактическим восстановлением элементов института дополнительного расследования. Сформировавшаяся к 2026 году модель регулирования характеризуется «системной гибридностью», сочетающей взаимоисключающие процессуальные механизмы.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 года № 39 задало новое направление в правоприменении, ориентированное в том числе на достижение процессуальной экономии. Суды ориентированы на самостоятельное устранение недостатков следствия без возвращения дела: с одной стороны, это ускоряет процесс, но с другой стороны, создает риск возложения на суд несвойственной функции «доработки» обвинения, что ведет к размыванию критериев допустимости доказательств.

Особую остроту проблеме придает механизм изменения обвинения на более тяжкое. Действующий порядок, обязывающий суд возвращать дело

прокурору для переквалификации, ставит суд в положение инициатора ухудшения положения подсудимого, что подвергает сомнению его беспристрастность. Актуальность работы продиктована необходимостью разрешения данного конфликта между институтом возвращения дела прокурору и принципом запрета поворота к худшему: требуется трансформировать институт возвращения уголовного дела, исключив возможность незаконного доследования, с одновременным наделением государственного обвинителя правом изменять обвинение в сторону ухудшения непосредственно в судебном заседании.

Кроме того, проведенный анализ статистических данных свидетельствует, что возвращение дела зачастую используется как форма «скрытого оправдания», позволяющая избегать вынесения оправдательных приговоров при ошибках следствия. Исследование генезиса института и изучение новейшей практики апелляционных и кассационных судов необходимы для разработки новой модели, которая позволит обеспечить баланс между эффективностью правосудия, стабильностью судебного разбирательства и соблюдением конституционного запрета на поворот к худшему в отсутствие инициативы со стороны обвинения.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией судом полномочий по возвращению уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

Предметом исследования выступают закономерности становления и реализации судом полномочий по возвращению уголовного дела прокурору в контексте доктринальных и правоприменительных противоречий.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика возвращения уголовного дела прокурору и восполнения неполноты предварительного расследования традиционно находится в центре внимания отечественной юридической науки. Такое внимание обусловлено тем, что данный институт отражает соотношение состязательных начал и публично-правовой обязанности суда по контролю за обвинением.

Фундаментальные основы учения о пределах судебного разбирательства, соотношении функций суда и обвинения, а также о допустимости восполнения пробелов следствия были заложены в трудах дореволюционных правоведов: Я.И. Баршева, М.В. Духовского, С.И. Викторского, В.К. Случевского, Н.А. Буцковского, И.Я. Фойницкого, Н.В. Муравьева. Их идеи о связи приговора с первоначальным обвинением и гарантиях от произвола при устранении недостатков следствия не утратили актуальности и сегодня.

В советский период, когда доминировала концепция активного суда и объективной истины, институт дополнительного расследования получил всестороннее освещение в работах В.П. Божьева, И.М. Гальперина, М.М. Гродзинского, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухина, М.С. Строговича, М.А. Чельцова-Бebutова, С.А. Шейфера. Указанные авторы исследовали данный институт как необходимый для борьбы с преступностью, однако уже в поздний советский период многие из них указывали на его обвинительный характер.

Кардинальная реформа уголовного судопроизводства и принятие УПК РФ 2001 года, изначально отказавшегося от института доследования, привели к значительному росту исследований, посвященных становлению нового института возвращения дела прокурору. Существенный вклад в анализ его правовой природы в условиях состязательности внесли В.А. Азаров, А.С. Александров, В.С. Балакшин, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Головкин, И.С. Дикарев, О.А. Зайцев, Н.Н. Ковтун, А.Д. Назаров, А.В. Смирнов, А.Г. Халиулин, О.В. Химичева.

Непосредственно проблемам трансформации данного института посвящены диссертационные исследования Т.Н. Баженовой (2006), Е.В. Ежовой (2006), А.И. Ткачевой (2007), И.А. Лупина (2008), О.Б. Лисафьевой (2010), А.А. Тришевой (2010), К.А. Трифионовой (2012). В этих работах был проведен глубокий анализ первоначальной редакции закона и первых решений Конституционного Суда РФ, определивших вектор «возрождения» доследования.

На современном этапе значимый вклад в разработку исследуемого института внесли В.В. Кальницкий, Т.К. Рябина, А.А. Шишков, исследовавшие вопросы изменения обвинения судом на более тяжкое. Концептуальные подходы В.Д. Потапова к обеспечению прав личности в различных стадиях уголовного судопроизводства заложили основу для изучения системных связей между проверочными производствами и механизмом устранения процессуальных препятствий. Доктринальные позиции Г.В. Абшилава о проявлении принципа целесообразности в деятельности прокурора использованы для обоснования предлагаемого расширения полномочий обвинительной власти в суде.

Проблематика судебного контроля и устранения препятствий к рассмотрению дела подробно рассмотрена в диссертации М.Ф. Елчиева (2021), где предложена типология препятствий и механизмы их устранения. Вопросы ограничения активности суда и запрета на поворот к худшему в контексте изменения обвинения стали предметом глубокого анализа в диссертации Н.В. Будылина (2023), который обосновал необходимость сохранения состязательных начал при исправлении судебных ошибок.

Также в работе использованы труды современных исследователей, анализирующих новейшую практику и проблемы «процессуальной экономии»: С.В. Бурмагина, Г.А. Есакова, Л.А. Колпаковой, А.В. Пиюка, А.В. Татьяниной, А.А. Шевченко.

Вместе с тем большинство указанных работ было выполнено до принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39, которое обозначило значительный поворот судебной практики от формального подхода к расширению полномочий суда по самостоятельному устранению недостатков следствия и приоритета процессуальной экономии. В науке пока не получила должного освещения сформировавшаяся в современный период гибридная модель, когда суд вынужден исправлять ошибки органов предварительного расследования в устранении технических недостатков, а институт возвращения дела используется как инструмент легализации

незаконного обвинения через его «исправление». Дополнительного изучения требует вероятность нарушения прав защиты при наделении суда полномочиями по самостоятельной корректировке обвинения без возвращения дела прокурору.

Цель диссертационного исследования – получение нового научного знания, развивающего и дополняющего научные представления о трансформации института возвращения уголовного дела прокурору, в том числе обоснование новой модели изменения обвинения в судебном разбирательстве, которая обеспечивает баланс между процессуальной экономией, установлением истины и конституционными гарантиями прав личности при активной роли суда.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

выявить закономерности исторического генезиса института возвращения уголовного дела прокурору (от Устава 1864 г. до современности), в том числе цикличность его развития;

проанализировать трансформацию института в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. и соотношение законодательных новаций с доктринальными ожиданиями;

определить влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ на развитие института возвращения дела прокурору;

исследовать соотношение состязательности и беспристрастности суда при возвращении дела прокурору и определить пределы судебной активности в свете Постановления Пленума ВС РФ от 17 декабря 2024 г. № 39;

раскрыть коллизию неизменности обвинения и запрета поворота к худшему, а также обосновать недопустимость использования возвращения дела прокурору как формы скрытого оправдания;

разработать и обосновать предложения по совершенствованию законодательного регулирования анализируемого института, включая

наделение государственного обвинителя правом изменять обвинение на более тяжкое непосредственно в судебном заседании.

Научная новизна исследования состоит в том, что получены новые научные знания, дополняющие и развивающие подходы к трансформации института возвращения уголовного дела прокурору судом. Диссертация является одной из первых работ, в которой с учетом актуального правового регулирования, а также анализа современной правоприменительной практики разработана и обоснована совокупность теоретических положений и научно-обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование процессуальных механизмов, позволяющих устранить препятствия к рассмотрению уголовного дела судом. Предложена новая модель изменения обвинения, предусматривающая наделение государственного обвинителя правом ужесточать обвинение в судебном заседании без возвращения дела прокурору, с обязательным предоставлением защите времени для подготовки, что позволяет исключить использование нормативных предписаний статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ для ухудшения положения подсудимого по инициативе суда.

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, отражающие основные показатели работы судов общей юрисдикции за период с 2020 по 2025 гг., в том числе динамику возвращения судом уголовных дел прокурору. По актуальным и спорным вопросам проведено анкетирование судей, прокуроров и адвокатов в Северо-Западном федеральном округе.

Материалами исследования послужила опубликованная судебная практика судов апелляционной и кассационной инстанций, включая позиции Первого и Шестого кассационных судов общей юрисдикции, охватывающих практику судов более чем 20 субъектов Российской Федерации, а также Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу правовых позиций, сформированных в новейшей судебной практике 2024–2025

годов, включая решения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Научная новизна исследования выражается и конкретизируется в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Историческая цикличность института возвращения уголовного дела прокурору выражается в закономерной смене периодов законодательного отказа от восполнения неполноты расследования (Устав 1864 г., Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г.) этапами фактической реставрации доследования под давлением практики. Начиная с 2013 года, современный этап завершает очередной цикл возвратом к модели, допускающей восполнение неполноты обвинения судом в иных процессуальных формах. В отличие от представлений о линейной эволюции, выявленная цикличность обосновывает необходимость перехода к изменению обвинения непосредственно прокурором в судебном заседании.

2. Гибридный характер института возвращения дела прокурору состоит в том, что нормативно закреплённый запрет на восполнение неполноты следствия сочетается с ориентацией практики на устранение препятствий, связанных с обоснованностью обвинения. Расширение оснований для возвращения уголовного дела наделяет суд контрольной функцией в отношении содержания обвинения, что не соответствует доктринальным представлениям об исключительно формальной природе института.

3. Скрытое оправдание при возвращении дела прокурору заключается в том, что суды, мотивируя возврат дела для ужесточения обвинения необходимостью защиты прав потерпевшего (Постановление КС РФ № 6-П), на практике реализуют скрытый интерес – исправление ошибок органов расследования. Такая практика подменяет вынесение оправдательного приговора при ошибках следствия и не соответствует принципу состязательности.

4. Процедура возвращения дела для переквалификации на более тяжкое обвинение позволяет следствию редактировать фабулу и интерпретацию уже исследованных судом фактов под требуемую квалификацию. Такая корректировка нарушает пределы судебного разбирательства и ограничивает право защиты на эффективное оспаривание обвинения.

5. Следователь оказывается связанным позицией суда при возвращении дела для усиления обвинения, поскольку в постановлении суда формулируются обстоятельства более тяжкого преступления и тем самым предопределяет дальнейшее расследование.

6. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 закрепили приоритет процессуальной экономии: процессуальные нарушения и неточности в объёме обвинения, ранее влекшие возврат дела прокурору, теперь признаются устранимыми в судебном заседании.

7. Государственный обвинитель наделяется правом изменять обвинение в сторону ухудшения (при неизменности фактических обстоятельств и без сбора новых доказательств) непосредственно в судебном заседании до удаления суда в совещательную комнату.

8. Суд по ходатайству защиты обязан объявить перерыв в судебном заседании на срок не менее 10 суток для подготовки к защите от нового, более тяжкого обвинения. Данное правило подлежит закреплению в ч. 8.2 ст. 246 УПК РФ.

9. Изменение обвинения в сторону ухудшения допускается непосредственно в судебном разбирательстве, если это не требует установления новых фактических обстоятельств (ст. 252 УПК РФ).

Методология и методика исследования основаны на общенаучных (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический, анализ, синтез и др.) и частнонаучных (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методах познания. В работе применены методы статистического исследования (анализ статистических данных судебного департамента, мониторинг правоприменительной практики),

позволяющие изучить весь комплекс процессов и явлений, происходящих в исследуемой области юридических знаний, в том числе динамику возвращения уголовных дел прокурору и показатели изменений в мотивировке обвинительных приговоров.

Правовой базой диссертации являются нормы и положения Конституции РФ, международного права и международных договоров РФ; уголовного и уголовно-процессуального законодательства; постановления и определения Конституционного Суда РФ; постановления Пленума Верховного Суда РФ; ведомственные нормативные правовые акты, относящиеся к теме исследования. При написании работы также использовались памятники отечественного уголовно-процессуального права дореволюционного и советского периодов.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания циклического развития и системной гибридности института возвращения уголовного дела прокурору. В отличие от традиционного взгляда на ст. 237 УПК РФ как на способ устранения формальных препятствий, в диссертации доказано, что данный институт выполняет функцию контроля над фактической стороной обвинения и может использоваться для скрытого оправдания. Обоснованная в работе новая модель изменения обвинения (наделение государственного обвинителя правом ужесточать обвинение в судебном заседании без возвращения дела) развивает учение о пределах судебного разбирательства и соотношении процессуальных функций обвинения и разрешения дела. Выводы и теоретические конструкции, представленные в диссертации, создают основу для дальнейших исследований баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Практическая значимость результатов исследования состоит в совокупности предложений по приведению процедуры устранения препятствий к судебному разбирательству и трансформации института возвращения дела прокурору в соответствие с актуальными потребностями правоприменения, тем самым исключая практику скрытого оправдания и обеспечивая разумные сроки

судопроизводства. Выводы и предложения, обоснованные в исследовании, могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, касающегося расширения полномочий государственного обвинителя по изменению обвинения в сторону ухудшения в судебном заседании и установления пресекательных сроков для возвращения дела прокурору. Результаты работы также могут служить основой для разработки разъяснений судам и прокуратуре по применению критериев существенности нарушений в свете Постановления Пленума ВС РФ № 39 и использоваться в учебном процессе по дисциплинам специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Теоретически и эмпирически обоснованные выводы и предложения, разработанные в процессе исследования, могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, касающегося расширения полномочий государственного обвинителя по изменению обвинения в сторону ухудшения непосредственно в судебном заседании (ст. 246, 252 УПК РФ) и установления пресекательных сроков для возвращения дела прокурору (ст. 237 УПК РФ).

Также они могут служить в качестве основы для разработки соответствующих разъяснений и рекомендаций, адресованных судам и сотрудникам прокуратуры, по применению критериев «существенности» нарушений в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 39. Результаты научного исследования могут быть использованы в учебном процессе, при преподавании в учебных заведениях дисциплин.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования подтверждается использованием соответствующих методов получения нового научного знания, всесторонним анализом достаточного объема выполненных ранее исследований по теме диссертации, нормативной базы, а также использованием эмпирических данных, собранных в процессе работы над диссертационным исследованием.

Автором развиты теории о разграничении процессуальных функций суда и обвинения, пределах судебного разбирательства и недопустимости восполнения судом недостатков обвинительной деятельности. В ходе исследования использована официально опубликованная судебная статистика, а также судебная практика. Авторский подход соответствует правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, а также Верховного Суда Российской Федерации.

Апробация результатов диссертационной работы. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина».

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись в течение нескольких лет путем внедрения основных результатов диссертационного исследования, изложенных в статьях, в практическую деятельность Воркутинского городского суда Республики Коми; Адвокатской палаты Республики Коми, а также в учебный процесс юридического института Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Сформулированные в диссертации положения и выводы получили освещение в выступлениях автора на Круглом столе молодых учёных на тему «Противодействие идеологии терроризма: исторические традиции и современные тенденции», приуроченном ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом (17 сентября 2024 года, г. Москва), в Национальной конференции XXXII годичной сессии Учёного совета (Февральские чтения), приуроченной к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2025 году (10 февраля 2025 года, г. Сыктывкар), Всероссийской научно-практической конференции «XII Юридические чтения: Российское право: историческое наследие и современные вызовы», приуроченной к 25-летию со дня образования в Республике Коми института мировой юстиции (11-12 апреля 2025 года, г. Сыктывкар), XXIII Международной конференции молодых ученых «Факты и интерпретации» (15 октября 2025, г. Новосибирск), XIV Международной научно-практической конференции «Проблемы современного законодательства России и зарубежных

стран» (24 октября 2025, г. Иркутск), VI Международной научно-практической конференции «Публично-правовые и частноправовые проблемы современной юриспруденции в условиях судебной реформы», посвящённой 70-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Николаевича Григорьева (14 ноября 2025 года, г. Ульяновск).

Основные результаты исследования отражены в 9 научных статьях, три из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура диссертации отражает логику исследования и обеспечивает последовательное изложение анализируемого материала. Работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных нормативно-правовых и научных источников, приложений.

Основное содержание работы

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрыты степень научной разработанности, методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы, сформулированы научная новизна и положения, выносимые на защиту, показаны теоретическая и практическая значимость, достоверность и апробация результатов.

Первая глава **«Генезис и эволюция института возвращения уголовного дела прокурору: от обвинительной концепции к проблеме баланса частных и публичных интересов»** посвящена историческим закономерностям развития механизма восполнения неполноты расследования, первоначальной модели статьи 237 УПК РФ и последующему изменению института под влиянием конституционного и судебного толкования.

В первом параграфе *«Исторические формы восполнения неполноты расследования в российском уголовном процессе»* исследованы исторические формы реагирования суда на неполноту предварительного производства. В розыском процессе XVII–XVIII вв. устранение пробелов расследования являлось составной частью публичной обязанности судебно-административных органов установить обстоятельства дела. Суд мог самостоятельно собирать недостающие сведения либо направить материалы для переследования. Такая модель не предполагала функционального разграничения расследования и разрешения дела.

Свод законов Российской империи закрепил полномочие суда проверять правильность и полноту следствия. Судебная реформа 1864 г., провозгласившая состязательность и отделение обвинительной власти от судебной, сохранила механизм доследования. Устав уголовного судопроизводства допускал обращение дела к доследованию при неполноте следствия, существенном нарушении формы и необходимости рассмотреть более тяжкое деяние, не охваченное обвинительным актом. В результате в состязательную систему был встроен ревизионный инструмент, основанный на идее материальной истины.

Дореволюционная доктрина уже тогда фиксировала риск смешения функций. Н.А. Буцковский, В.К. Случевский, Э.Я. Немировский, М.В. Духовской и И.Я. Фойницкий связывали пределы судебного разбирательства с первоначальным обвинением и указывали, что суд, требующий доследования, приобретает влияние на направление уголовного преследования. Изменение обвинения, ухудшающее положение подсудимого, признавалось допустимым лишь при соблюдении специальных гарантий защиты.

В советском уголовном процессе институт дополнительного расследования получил завершённое развитие. УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. исходили из активной роли суда и обязанности обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств. Неполнота расследования, необходимость изменения обвинения и привлечение новых лиц служили основаниями возвращения. Суд и органы обвинения рассматривались как

участники единой государственной деятельности по борьбе с преступностью, поэтому исправление следственных ошибок воспринималось не как помощь обвинению, а как способ достижения объективной истины.

Практика выявила негативные последствия такой модели: широкое толкование неполноты, возможность неоднократных возвратов, длительное сохранение статуса обвиняемого и применение мер принуждения, а также замещение оправдательного приговора предоставлением следствию новой возможности доказать обвинение. К концу советского периода дополнительное расследование стало одним из символов обвинительного уклона и было подвергнуто принципиальной критике в Концепции судебной реформы 1991 г.

Историко-правовой анализ позволил автору сделать вывод о цикличности развития института. При усилении розыскных начал суд получает широкие полномочия по восполнению недостатков расследования; периоды состязательных реформ сопровождаются ограничением либо устранением таких полномочий. Однако отказ от ревизионных механизмов под давлением практических потребностей сменяется их постепенным восстановлением. Эта закономерность проявилась и после принятия УПК РФ 2001 г.

Во втором параграфе *«Трансформация института в УПК РФ 2001 года: законодательные новации и доктринальные ожидания»* рассмотрены предпосылки и содержание реформы, приведшей к замене дополнительного расследования институтом возвращения уголовного дела прокурору. Концепция судебной реформы и Конституция Российской Федерации закрепили приоритет прав личности, состязательность и разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях конца 1990-х – начала 2000-х гг. последовательно исключал полномочия суда по собственной инициативе возбуждать уголовное преследование и восполнять пробелы обвинительной деятельности.

Первоначальная редакция статьи 237 УПК РФ предусматривала узкий перечень оснований возврата, пятисуточный срок устранения недостатков и

запрет производства следственных и иных процессуальных действий. Возврат должен был обеспечивать исключительно исправление процессуальной формы, не затрагивая фактические обстоятельства, доказанность и юридическую квалификацию. Предполагалось, что неустранимые сомнения и пробелы обвинения повлекут оправдание, а не повторное расследование.

Практическая реализация выявила недостаточную гибкость этой модели. Суды сталкивались с существенными нарушениями прав участников и недостатками обвинительных актов, которые невозможно было устранить в судебном заседании, но исправление которых требовало проведение дополнительных действий прокурора или следователя. Абсолютный запрет на такие действия создавал выбор между постановлением решения при наличии существенного нарушения и прекращением движения дела. В научной литературе первоначальная модель оценивалась одновременно как важная гарантия беспристрастности и как нормативный тупик, не учитывающий реальное качество предварительного расследования.

Сопоставление целей реформы и первых результатов применения УПК РФ показывает, что законодатель стремился не просто формально изменить институт через исключение понятия дополнительного расследования, а устранить несвойственную для суда функцию по совершенствованию обвинения. Вместе с тем отсутствие альтернативной процедуры устранения существенных нарушений предопределило последующее расширение статьи 237 УПК РФ посредством конституционного толкования.

В третьем параграфе *«Судебная реформа института: влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ»* проанализирована судебная реформа института. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П признало недопустимым такое толкование статьи 237 УПК РФ, которое исключает эффективное восстановление нарушенных прав. Конституционный Суд допустил проведение после возврата дела процессуальных действий, необходимых для устранения существенного нарушения, если эти действия не

направлены на восполнение неполноты расследования. Одновременно были сформулированы признаки существенного нарушения: оно затрагивает гарантированные права участников, не может быть устранено судом и препятствует постановлению законного и обоснованного решения.

Постановление № 18-П стало исходной точкой расширительного развития института. Пленум Верховного Суда Российской Федерации конкретизировал примеры нарушений, препятствующих рассмотрению дела. Открытый характер перечня и оценочность категорий существенности и неустранимости усилили судебное усмотрение. Формальная модель стала преобразовываться в универсальный способ исправления недостатков досудебного производства.

Следующим этапом стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П, принятое в связи с проверкой пункта 1 части 1 статьи 237 УПК РФ. Конституционный Суд связал защиту прав потерпевшего и назначение уголовного судопроизводства с возможностью возврата дела при наличии оснований для квалификации деяния как более тяжкого. В последующем законодатель закрепил пункт 6 части 1 статьи 237 УПК РФ, допускающий возврат при выявлении фактических обстоятельств, указывающих на более тяжкое преступление. Тем самым в институт было встроено основание, прямо ориентированное на ухудшение положения обвиняемого, несмотря на установленные процессуальным законом гарантии пределов судебного разбирательства.

Автор приходит к выводу, что последовательность решений Конституционного Суда Российской Федерации и законодательных изменений фактически восстановила элементы дополнительного расследования. Запрет на восполнение неполноты сохранялся в доктрине и отдельных разъяснениях, но после возврата уголовного дела стало возможным проведение следственных действий, предъявление нового обвинения и составление нового обвинительного заключения. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 завершило данный этап,

прямо допустив действия, необходимые для устранения выявленных нарушений, включая предъявление более тяжкого обвинения.

В результате исторический цикл повторился: состязательная реформа 2001 г., ограничившая судебную активность, сменилась постепенным восстановлением ревизионных возможностей. Однако современный институт отличается от советского дополнительного расследования тем, что формально сохраняет защитную направленность и применяется через процедуру устранения препятствий. Такое расхождение между нормативным назначением и реальным содержанием образует системную гибридность.

Вторая глава **«Системный конфликт института возвращения дела с принципами уголовного судопроизводства и его современные проявления»** раскрывает противоречия статьи 237 УПК РФ с состязательностью, беспристрастностью суда, неизменностью обвинения и запретом поворота к худшему, а также содержит анализ новейшей судебной практики и законодательные предложения.

В первом параграфе *«Возвращение дела прокурору в контексте принципа состязательности и беспристрастности суда»* возвращение дела прокурору рассматривается в контексте состязательности и беспристрастности суда. Автор исходит из того, что российский уголовный процесс сочетает состязательную форму с публичной обязанностью суда обеспечить законность и справедливость решения. Суд не может быть полностью пассивным, однако его активность должна быть направлена на проверку позиций сторон и защиту прав участников, а не на формирование либо усиление обвинения.

Статья 237 УПК РФ занимает пограничное положение между судебным контролем и обвинительной деятельностью. При возврате по формальным основаниям суд обеспечивает соблюдение процессуальной формы. Когда же постановление содержит указания на неполноту доказательств, необходимость иной фабулы либо более тяжкой квалификации, судебный акт начинает определять направление уголовного преследования. В такой ситуации защита

вынуждена противостоять не только обвинителю, но и выводам суда, уже высказавшегося о возможном наличии более тяжкого преступления.

Исследование практики показывает, что суды использовали возврат как средство минимизации риска отмены будущего приговора и как альтернативу оправданию при ошибках следствия. Автор обозначает это явление как скрытое оправдание: процесс не завершается реабилитирующим решением, а обвинению предоставляется дополнительная возможность устранить недостатки. Подобный подход нарушает равноправие сторон и делает процессуальное положение подсудимого неопределенным.

Вместе с тем полный отказ от института не предлагается. Существенные нарушения формы обвинительного документа, необходимость соединения дел и другие объективные препятствия могут лишать суд возможности разрешить уголовное дело. Поэтому требуется функциональное разграничение: суд контролирует соблюдение процессуальной формы и возвращает дело только при неустранимом препятствии; при этом сторона обвинения самостоятельно распоряжается содержанием уголовного преследования и несет ответственность за его качество.

На этой основе обосновывается критерий допустимой судебной активности. Суд вправе выявлять нарушение уголовно-процессуального закона, оценивать его существенность и определять возможность продолжения разбирательства, но не должен указывать, какие факты следует дополнительно установить, какие доказательства собрать и какое более тяжкое обвинение предъявить. В противном случае контрольная функция перерастает в обвинительную.

Во втором параграфе *«Коллизия с принципом неизменности обвинения и запретом поворота к худшему»* исследована коллизия возвращения уголовного дела с принципом неизменности обвинения и запретом поворота к худшему. Пределы судебного разбирательства обеспечивают предсказуемость обвинения и возможность построить устойчивую линию защиты. Подсудимый должен знать фактические обстоятельства и юридическую оценку, от которых ему

предстоит защищаться. Выход за эти пределы требует специальной процедуры, исключающей внезапное ухудшение положения.

Пункт 6 части 1 статьи 237 УПК РФ допускает возврат, когда фактические обстоятельства указывают на более тяжкую квалификацию. Формально суд не предъявляет обвинение, однако именно его постановление становится основанием для возобновления обвинительной деятельности. Следователь и прокурор оказываются связанными выводами суда, поскольку повторное направление дела без устранения указанного препятствия практически невозможно. В результате суд косвенно инициирует поворот к худшему.

Процедура возврата уголовного дела позволяет не только изменить юридическую квалификацию, но и переработать описание фактических обстоятельств, провести новые следственные действия и получить дополнительные доказательства. Тем самым происходит корректировка обвинения «задним числом» после того, как его недостатки выявились в судебном разбирательстве. Такая практика снижает ответственность стороны обвинения за качество предварительного расследования и нарушает равенство процессуальных возможностей.

Автор анализирует основные доктринальные варианты разрешения проблемы: сохранение обязательного возврата; создание специализированного следственного судьи; наделение суда полномочием изменять квалификацию; предоставление государственному обвинителю права предъявить измененное обвинение непосредственно в суде. Предпочтение отдается последней модели, поскольку именно обвинитель определяет предмет уголовного преследования, а суд должен сохранять нейтральность.

Изменение обвинения в суде допустимо не во всех случаях. Если требуется установить новые факты, провести экспертизу, допросить ранее не установленных лиц либо собрать новые доказательства, продолжение разбирательства нарушит право на защиту, и дело должно быть возвращено. Если же фактическое описание остается прежним, а спор касается

исключительно юридической квалификации уже исследованных обстоятельств, повторное предварительное расследование не имеет самостоятельной процессуальной ценности и лишь увеличивает срок производства.

В диссертации предложена новая редакция статьи 252 УПК РФ, допускающая изменение обвинения по инициативе государственного обвинителя, в том числе в сторону ухудшения, при неизменности фактических обстоятельств и отсутствии необходимости собирать новые доказательства. Обвинение должно излагаться письменно и вручаться подсудимому и защитнику, которым предоставляется достаточное время для подготовки.

В третьем параграфе *«Анализ правоприменительной практики в свете Постановления Пленума ВС РФ № 39 (2024). Направления совершенствования законодательного регулирования»* исследована практика применения статьи 237 УПК РФ после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39. Разъяснения ориентируют суды на ограничение возвратов по формальным мотивам и на самостоятельное устранение технических недостатков, не препятствующих рассмотрению дела. Кассационные суды отменяют постановления о возврате уголовного дела, если ошибки в реквизитах, неточности описания либо иные недостатки могут быть выяснены и оценены в судебном заседании без риска ухудшить положение обвиняемого.

Такой подход способствует процессуальной экономии, но создает встречный риск: изучение актуальной судебной практики показывает, что нарушения права обвиняемого на конкретное обвинение могут быть объявлены несущественными лишь потому, что защита не заявила возражений при ознакомлении с материалами дела. Автор считает недопустимым ставить наличие объективного нарушения в зависимость от процессуальной активности защитника. Молчание стороны на стадии статьи 217 УПК РФ не устраняет обязанность органов обвинения составить законный и определенный обвинительный акт.

В работе сформулирована совокупность признаков, при одновременном наличии которых нарушение должно влечь возврат дела: нарушение допущено в досудебном производстве; затрагивает гарантированные права либо законность обвинительного документа; препятствует установлению предмета и пределов разбирательства; не может быть устранено судом без принятия на себя обвинительной функции; исключает постановление законного и обоснованного итогового решения. Данный подход ограничивает произвольное использование оценочных категорий существенности и неустранимости.

Для ограничения применения пункта 6 части 1 статьи 237 УПК РФ предлагается связать возврат по мотиву более тяжелой квалификации с необходимостью проведения дополнительных следственных действий. Если фактические обстоятельства полностью изложены и исследованы, юридическая ошибка должна исправляться государственным обвинителем в суде. Если же признаки более тяжкого деяния невозможно установить без нового расследования, возврат сохраняет свое назначение.

Практическая потребность в такой процедуре показана на примере изменения подхода к квалификации хищения денежных средств с использованием чужой банковской карты после определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. по делу Ю.Ю. Кактана. Переквалификация с мошенничества с использованием электронных средств платежа на кражу с банковского счета в ряде дел повлекла множественные возвраты прокурору, хотя фактическая сторона деяния не изменялась. Повторение всех стадий производства в подобной ситуации обусловлено лишь юридической ошибкой и противоречит процессуальной экономии.

Предлагается дополнить статью 246 УПК РФ частями 8.1 и 8.2. Государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату вправе изменить обвинение в сторону ухудшения путем вменения квалифицирующего признака либо применения нормы, предусматривающей более строгое наказание. Обязательными условиями являются неизменность

существенных фактических обстоятельств и отсутствие необходимости собирать новые доказательства. Изменение оформляется мотивированным постановлением; защите по ее ходатайству предоставляется перерыв или отложение не менее чем на десять суток.

Согласованное изменение статей 237, 246 и 252 УПК РФ позволяет развести две процессуальные ситуации. Восстановление законности формы и устранение объективно неустранимого препятствия остаются сферой судебного контроля и статьи 237 УПК РФ. Изменение материально-правовой квалификации при стабильной фактической основе относится к распоряжению обвинительным тезисом и осуществляется государственным обвинителем в состязательной процедуре. Суд контролирует соблюдение гарантий, но не инициирует ухудшение положения подсудимого.

В заключении работы подводятся итоги проведенного исследования о том, что институт возвращения уголовного дела прокурору не может быть объяснен исключительно как технический механизм устранения препятствий. Его историческое развитие отражает смену представлений о роли суда, соотношении состязательности и материальной истины, а также о допустимых средствах исправления ошибок обвинения.

Отечественная модель развивалась циклически. Разыскные периоды характеризовались широкими ревизионными полномочиями суда; состязательные реформы ограничивали либо исключали следствие; практические потребности вновь приводили к расширению института. Современное регулирование воспроизводит этот цикл, соединяя состязательную форму с возможностью проведения после возврата дополнительных процессуальных действий и предъявления более тяжкого обвинения.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 усилило приоритет процессуальной экономии и ограничило формальные возвраты. Данный вектор является обоснованным при условии, что устранение недостатков судом не подменяет предварительное

расследование и не снижает стандарт конкретности обвинения. Категории существенности и неустранимости должны применяться на основе совокупности объективных признаков, а не процессуального поведения защиты.

Возвращение дела для усиления обвинения создает риск предрешиения: суд формулирует признаки более тяжкого преступления, следовательно корректирует обвинение в заданном направлении, а защита сталкивается с выводами органа, который впоследствии должен разрешить дело. Кроме того, повторное расследование позволяет исправлять доказательственную и фактическую основу обвинения после выявления ее слабости в суде. Такая практика несовместима с правовой определенностью и беспристрастностью.

Оптимальным способом разрешения коллизии является наделение государственного обвинителя правом изменить юридическую квалификацию непосредственно в судебном заседании, если фактические обстоятельства остаются прежними и не требуется получение новых доказательств. Суд обеспечивает состязательность процедуры и право на защиту, но не формирует новое обвинение. При необходимости установления новых фактов сохраняется возврат прокурору.

В диссертации предложены взаимосвязанные изменения пункта 6 части 1 статьи 237, статей 246 и 252 УПК РФ. Они позволяют закрепить исключительный характер возврата, установить прозрачную процедуру изменения обвинения и гарантировать защите срок не менее десяти суток для подготовки. Дополнительно обоснована целесообразность пресекательного срока возврата дела прокурору – одного года с момента первого поступления уголовного дела в суд, что препятствует бессрочному исправлению ошибок предварительного расследования.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой критериев разграничения изменения юридической квалификации и изменения фактической основы обвинения, оценкой практики применения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 39 в последующие годы, а

также с изучением влияния предлагаемой процедуры на разумные сроки, стабильность судебных решений и фактическое равноправие сторон.

Основные положения и выводы нашли отражение в научных статьях (3 из них – в ведущих рецензируемых научных журналах, в которых в соответствии с установленными требованиями должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук), иных публикациях автора (всего в 9-и публикациях общим объемом 4,0 п.л.):

В изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России для публикации результатов диссертационных исследований:

1. Закидальский, Д. Е. Актуальные проблемы применения статьи 237 УПК РФ: анализ практики 2025 года в свете новых разъяснений Пленума ВС РФ / Д. Е. Закидальский // *Ex iure*. – 2026. – № 1. – С. 98-108.

2. Закидальский, Д. Е. Эволюция оснований возвращения уголовного дела прокурору: от противоречивой практики к унификации в постановлении Пленума ВС РФ № 39 / Д. Е. Закидальский // *Аграрное и земельное право*. – 2025. – № 12. – С. 455-458.

3. Закидальский, Д. Е. Конфликт принципов: возвращение уголовного дела прокурору как нарушение принципа состязательности и пределов судебного разбирательства после постановления Пленума ВС РФ № 39 / Д. Е. Закидальский // *Право и государство: теория и практика*. – 2025. – № 12. – С. 537-539.

Статьи, опубликованные в других научных журналах и изданиях:

4. Закидальский, Д. Е. О некоторых вопросах, связанных с возвращением уголовного дела прокурору / Д. Е. Закидальский // *Вестник. Государство и право*. 2023. – № 4 (39). – С. 62-70.

5. Закидальский, Д. Е. Правоприменительная практика возврата уголовных дел прокурору по транспортным преступлениям: обзор и анализ / Д. Е. Закидальский // *Транспортное право*. – 2025. – №3. – С. 17-21.

6. Закидальский, Д. Е. Пути решения проблемы возвращения уголовного дела прокурору с возможным поворотом к худшему / Д. Е. Закидальский // Тридцать вторая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина: Февральские чтения: Национальная конференция: сборник статей: Часть 2. – Сыктывкар, 2025. – С. 47-52.

7. Закидальский, Д. Е. Правовые и процедурные аспекты возврата уголовных дел прокурору судами кассационной инстанции: влияние на доверие к судебной системе / Д. Е. Закидальский // XII Юридические чтения. Российское право: историческое наследие и современные вызовы: Всероссийская научно-практическая конференция, приуроченная к 25-летию со дня образования в Республике Коми института мировой юстиции, г. Сыктывкар, 11–12 апреля 2025 года : сборник статей – Сыктывкар, 2025. – С. 61-67.

8. Закидальский, Д. Е. Недостатки судебных экспертиз в практике возвращения уголовных дел прокурору: процессуальный и содержательный аспекты / Д. Е. Закидальский // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы XIV Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 24 октября 2025 г). – Иркутск, 2026. – С. 139-144.

9. Закидальский, Д. Е. Переоценка фактов и правовая определённость: трансформация института возвращения уголовного дела прокурору / Д. Е. Закидальский // Факты и интерпретации: материалы XXIII Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / редкол.: В. В. Петров и др.; Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2025. – С. 117-121.